

Э. Г. Рахимова (Москва)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРАВНЕНИЯ В РЕПЕРТУАРЕ РУНОПЕВЦЕВ ЛАДВОЗЕРА (династия Перттуненов, Маура Марттини)

Записанные до начала XX века разножанровые руны калевальской метрики, относящиеся к локальной традиции Ладвозера и Каменного озера¹ внутри собственно карельского по языку региона Беломорской Карелии (Vienan Karjala), опубликованы в четырех частях первого тома «Древних рун финского народа» (Suomen kansan vanhat runot, 1908—1921)². Варьирование реестра поэтических средств анализируется в записях от прославленного рунопевца Архиппы Перттунена (ум. 1840), одного из основных информантов Леннрота при создании им «Калевалы», его сына Мийхкали (1810 — 1899) и Мауры Марттини (1835 — 1925).

Разумеется, было бы неправомерным претендовать на установление специфики изобразительной детализации для локальной традиции Ладвозера в целом — рассмотрения ограниченной совокупности записей от трех исполнителей недостаточно для подобных выводов. Рунопевческий род Перттуненов также значительно более обширен³.

Однако фронтальное сопоставление записей от двух представителей рода Перттуненов: отца и бесспорно перенявшего от него руны сына, также одаренного замечательным исполнительским мастерством, представляется исключительно плодотворным по линии «учитель — ученик» с целью постижения «сохраняемости и передаваемости эпического знания у двух поколений»⁴. Более того, от Мийхкали были получены систематические повторные записи в 1871, 1872 и 1877 гг., фиксация которых характеризуется высокой текстологической достоверностью благодаря собирательской технике Борениуса-Ляхтеенкорва: первый раз он слушал пение с голоса, а затем просил надиктовать. Поэтому даже в тех случаях, когда расхождения при дублированном исполнении не требовали, по мнению

© Э. Г. Рахимова, 2000

¹Латваярви, Кивняярви прихода Вуоккиннеми (Вокнаволоок).

²Suomen kansan vanhat runot. I. Vienan läänin runot. Julkaissut A. R. Niemi. SKST. 121. Helsinki, 1908—1921.

³В SKVR опубликованы записи от 12 его представителей, в КЭП-50 и КНПТ-62 — от еще 4, едва ли не большинство их проживало в Келловаракке, ныне Муезерский р-н.

⁴Гацак В. М. Эпическое знание: синоптический разбор двух записей (учитель — ученик) // Фольклор: Проблемы тезауруса. М., 1994. С. 238.

Борениуса, переписки начисто и оказались напечатаны в SKVR под номером «-а» в виде построчных исправлений, мы можем доверять такой оценке изменчивости (значит, все остальное прозвучало аналогично). С большой тщательностью были выполнены и записи Варонена в 1886 г., Карьялайнена в 1894 г. и Бернера в 1872 г. От Мауры Марттини также получены разновременные записи. Они менее показательны в плане межпоколенной трансмиссии, зато ее репертуар эпических и заклинательных рун⁴ зафиксирован с большой полнотой. Кроме Варонена в 1886 г. и Карьялайнена в 1894 г. руны от своей матери записывал начиная с 1893 г. Ийво Марттинен, карел, уроженец Кивиярви, посвятивший свою жизнь подвижнической собирательской деятельности.

При анализе сравнений в песенных рунах «калевальской метрики» отправной точкой послужил фундаментальный труд Ф. М. Селиванова⁵, особенно понятие ОСС (образа сравнения-сопоставления). Образующие дистрибутивный реестр ОСС вместе с опорными для их текстуального воплощения формульными моделями служат своего рода «ячейками» традиционной коллективной поэтической мысли.

Сравнения с союзом «как, словно» представлены для героико-мифологических рун преимущественно в вариантах Архиппы. Так, в осуществленной Лениртом в 1834 г. записи руны «Сампо» № 1—54⁷ в строках 224—225 говорится:

*Nosti päälle purjepuunsa,
Kun on männikön mäellä.*

*Поднял мачту паруса,
Как сосновый бор на горке.*

Записи Каяна в 1836 г. и Кастрена в 1839 г. представляют собой фрагментарные пометы как для этой руны, так и для всех остальных и не могут быть привлечены для фронтального анализа распределяемости сравнений.

В варианте «Создания кантеле» в сцене отплытия лодки ни у Архиппы (№ 1—615), ни в двух повторных записях от Мауры (№ 1—614, 614 а) не говорится о парусе. Маура, как, впрочем, и Архиппа, акцентирует другие действия: Вяйнямейнен подметает застоявшуюся на берегу лодку медным веником и рассаживает по бортам девушек в оловянных уборах и кучерявых женихов. Мийхкали в своем варианте № 1—617, 1871 г., как и при повторном исполнении, упоминает о парусе, но сравнительная

⁴К сожалению, мы не можем судить, какие из свадебных песен, записанных Ийво Марттине-ном, принадлежат именно ей — ни из числа хранящихся в архиве Общества финской литературы, ни опубликованных в SKVR.

⁵Селиванов Ф. М. Художественные сравнения русского песенного эпоса. Систематический указатель. М., 1990.

⁷Здесь и далее указывается часть первого тома SKVR и номер варианта в ней.

фигура опущена: «Поднял мачту для паруса» — «77 Noosti peällä purjeh-
riiinsa». В вариантах «Состязания в сватовстве», записанных от Мауры
Карьялайненом (№ 1—467), эти моменты представлены пересказом. У
Архиппы сравнение воплощено в паре параллельных строк, с ОСС «со-
сенок» и «сухостойного бора».

<i>10 Nosti päälle purjepuita,</i>	<i>Поднял мачту для паруса,</i>
<i>Niinkun mäntyjä mäellä,</i>	<i>Словно сосенки на горке,</i>
<i>Karahkoita kankahilla.</i>	<i>В вереске бор сухостойный.</i>

Вариант № 1—472, записанный от Мийхкали в 1871 г. Борениусом, во-
обще не включает плавание под парусом, поскольку повествует о выполне-
нии героем трудных задач будущей тещи. Но в записи «Состязания в сва-
товстве» ни у Борениуса, 1872 г., № 1—473, ни у Варонена, № 1—473 b, нет
сравнения, хотя имеется строка 294-я «Поднял мачту для паруса». То же са-
мое происходит и с использованием этого сравнения в сюжете «Поездка
(Лемминкяйнена) незванным на пир». В сцене, где герой, спасаясь от возмез-
дия сородичей убитого им противника, отплывает по совету матери на па-
руснике на скалистый остров, у Архиппы № 2—759 дается сравнение:

<i>206 Nosti päälle purjepuita,</i>	<i>Поднял мачту для паруса,</i>
<i>207 Niinkun männikön mäellä.</i>	<i>Как сосновый бор на горке.</i>

У Мийхкали же использованы в № 2—766 и дублированных записях
другие детали, но не это сравнение. Все же наличие традиционной ва-
лентности для этой формульной строки подтверждается записью от Сий-
маны Мийхкалинена из Келловараки в варианте № 1—703, когда беспеч-
ный Лемминкяйнен спустил свой корабль на воду.

<i>Sini katko purjehpuida,</i>	<i>Так пригнул мачту для паруса,</i>
<i>Kuni om mändyjä mäellä,</i>	<i>Как сосенки на горке,</i>
<i>265 Karahkoida kangahalla.</i>	<i>В вересках бор сухостойный.</i>

Аналогичным образом обстоит дело со сравнением «как мешок соли
из Суоми, / хмеля куль из Стокгольма», оно наличествует только в запи-
си от Архиппы варианта «Создания кантеле» № 1—615 (Itse issukse
peräh, 40 Niin k[un] Suomen suolasäkki, Tukhulmin humalatukku). Даже
сам Архиппа не использует его ни в «Состязании в сватовстве», ни в
«Поездке незванным на пир». Тем более без использования этого срав-
нения репродуцирует свои варианты Мийхкали. Наличие валентности
для него в «Поездке на пир» подтверждается сделанной Борениусом в
1872 г. записью от Сийманы Михкалинена № 2—703: герой уселся на
корме с медным веслом.

230 *Niin kuin Suomen suolasäkki,* Как мешок соли из Суоми,
Tukulmin humalatukku. Хмеля куль из Стокгольма.

Зато все три исполнителя использовали в сцене поединка на мечах из «Поездки на пир» выпуклую динамическую деталь, причем во второй из двух параллельных строк наблюдается варьирование ОСС. У Мауры Марттини в №2—757, записанном ее сыном в 1893 г.

296 *Laski kuin naatti naurehesta,* Срезал как ботву от пены,
297 *Tahi voi sijanlihasta.* Или сало со свинины.

В дублированной записи Карьялайнена это строки 223 — 224.

Пертунены оба используют в качестве второго ОСС «чешую со всякой рыбы». У Архиппы в записи Леннрота аналогичный тому, что у Мауры, глагол, но описание развернуто до трех строк, чем-то неуловимо близких русским былинам по динамическому видению победоносного удара:

150 *Laski pään päältä olkan,* Снял голову с плеч,
Niinkun naatin nakrihasta, Как ботву у пены,
Evän kaikesta kalasta. Чешую со всякой рыбы.

Мийхкали более лаконичен, в записи Борениуса от октября 1871 г., № 2—766

263 *Löi kuin noatin nakrehelta,* Сбил как ботву с пены,
Evän kaikelta kalalta. Чешую со всякой рыбы.

Относящаяся к скольжению на непарных лыжах («люлю» и «калху») пара сравнений регулярно используется у беломорско-карельских исполнителей в руне «Погоня на лыжах за лосем Хийси». От Мауры Марттини, к сожалению, не был зафиксирован ее вариант. Художественное уподобление опускания длинной левой лыжи представлено также и в другой, очень редкой руне о морском походе Ахти-Островитянина, записанной от отца Лари Теппинена из Ухты Леннротом в 1834 г. (№ 2—906).

Lykkäsi lylyn lumella, Опустил на снег он лыжу,
Kun on ruskien reposen, Словно б рыжую лисицу
100 *Eli valkien jäniksen.* Или белого зайчишку.

В «Погоне за лосем Хийси» и Архиппа в 1834 г. применительно к опусканию «люлю» и Мийхкали в 1871 г. применительно к движению лыжных палок используют качественную характеристику, модель которой знакома по свадебным величаниям невесты (через обозначение «цены», например

синие глаза невесты стоят синюю ассигнацию; используется генитивный аккузатив вместо развернутого сравнения): «Одна из лыжных палок стоила марку, / другая — рыжую лисицу». У отца и сына между строками 56—57 № 2—865 и 11—12 № 2—866 наблюдается изменение порядка слов в пределах единой просодической модели по классификации Саденниemi (то есть по количеству слогов в словоформе параллельные строки строятся: 2—2—2—2 / 2—3—3)

Arhippa, Lönnrot, 1834

Miihkali, Borenius Bor

*Toinen makso markan sauva,
Toinen ruskien reposen.*

*Sauva maksoi toini markan,
Toini ruskean repoisen.*

Зато Архиппа использует другую пару сравнений и для левой, и для правой лыжи:

*50 Siitä veitikkä verevä
Lykkäsi lyllyn lumella,
Kuin on voina vuolakkeena,
Kanto kalhonsa sivulla
55 Ku on kiitävän havukan.*

*Тогда молодец румяный
Опустил на снег он лыжу,
Словно бы скользнув по маслу,
Правой сбоку оттолкнулся,
Словно ястребом летящим.*

В пределах типологически соотносимого уже с более поздним, двоеверным мировоззрением жанра рун-легенд (духовных стихов) развернутые сравнения с союзами «как», «словно» концентрируются в многосюжетном «Стихе о Создателе», особенно в «Поисках младенца». К сожалению, от Мауры не был записан этот духовный стих. В варианте Мийхкали 1872 г., записанном Борениусом (№ 2—1107), обнаруживаемое в других беломорско-карельских вариантах сравнение «Мне уйти пора настала, / словно в старину батрачке, / словно нанятой рабыне» также не представлено. Что касается его отца, то его варианты «Мессиады» против обыкновения оказались полноценно по тексту зафиксированы трижды: в 1834 г. Леннротом, в 1836 г. Каяном и в 1839 г. Кастреном. В вариантах № 1103 а и 1102 b в строках соответственно 109—111 и 93—95 дословно повторяются строки 209—211 записи Леннрота: «Lähtie minun tuleepi, / 210 Niin kuin muinenkin kasakan, / Eli orjan palkkalaisen».

Зато в записанном Борениусом в 1877 г. варианте № 2—1108 Мийхкали вдумчиво применяет сравнительную формулу для описания «евангельского» по духу чуда:

*«60 Henkiäs, hyvä hepoini,
kun on luotu vassan löyly,
Eli viskattu vetoni».*

*«Надыши, добра лошадка,
Словно как пар от веника,
Брошенной [на каменку] водицы».*

*Henkäsi hyvä heponi,
65 Huokasi valittu varsa,
Niin kuin luotu vassan löyly,
Eli viskattu vetoni.*

*Надышала добрая лошадка,
Вздохнул избранный жеребенок,
Словно как пар от веника,
Воды, брошенной на каменку.*

А вот Архиппа заменяет сравнительную союзную модель бессоюзной мифологизирующей:

*216 «Hengeäs, hyvä heponen,
Vatsan kautta vaivallisen,
Kylylöyly löylyhytä,
Sauna lämpönen lähetä».*

*«Надыши, добра лошадка,
Для страдалицы брюхатой,
Банный парок спусти-ка,
Тёплую отправь-ка сауну».*

В исторических песнях, а именно в «Осаде Выборга», встречается относящееся к «нашему», «славному», «золотому королю» (под этим подразумевается русский царь Иван Грозный), который спускает на воду корабли, союзное сравнение с водоплавающими птицами.

От Архиппы этой руны не было зафиксировано. Зато в записях Леннрота 1834 г., сделанных в Ладвозере от других исполнителей, это сравнение используется регулярно. В № 2—1047:

*Meiän Iivana isäntä,
Meiän kuuluisa kuningas,
Laitto laivoja lähelle,
Niin kun sotka poikiaan
5 Tavi taitti lapsilleh.
Miekotti sata miestä,
Satuloitti sata hevosta,
Niin kuin telkkä tehtyjään,
Pieni lintu lapsieen.*

*Наш царь Ийвана-хозяин,
Наш прославленный король,
Корабли спустил в залив,
Словно чернеть-утка птенчиков
Или свиязь своих деток.
Меч надел героев сотне,
Оседлал сто скакунов,
Словно гоголь свои яйца,
Птаха малая детишек.*

В № 2—1048 он же «снарядил военные корабли, словно утка-кряква птенчиков» (Suoritti sotavenoja, / Kun on sorsa poikiensa). Эти же ОСС использует и Мийхкали в записанном Борениусом в 1877 г. варианте № 2—1049:

*Laski laivoja vesillä,
Niinkuin sotko poikkiehe,
5 Tavi taitto lapsillehe.*

*Корабли спустил в заливе,
Словно чернеть птенчиков,
Связь малых детушек.*

К сожалению, при исполнении варианта «Осады Выборга» дуэтом с женой Сиссо из хутора Торсимо для Ийво Марттинена в 1900 г. Маура не использовала художественных уподоблений (см. № 2—1044).

Что касается проговариваемых, обычно без пения, заговоров калевальской метрики, то они, как известно, строятся в своей императивной части на персонификации той или иной субстанции: скажем, колдовской мощи знахаря, крови или железа, нанесшего рану, или медведя при его «бужении» с целью охоты. Заклинатель как бы поясняет данной персонифицированной фигуре или мыслящемуся как в чем-то ровня человеку медведю, как именно тому надлежит поступить, и при этом регулярно используются именно сравнения с союзами.

У Мауры Марттини сравнение колдовской мощи с «господним воздухом» представлено в коротком заговоре, записанном Ийво в 1903 г. (4—10):

<i>Noin luonto lovesta nouskoon,</i>	<i>Так пусть встает дух из ложбины,</i>
<i>Haon alta haltiani,</i>	<i>Мой властелин из-под коряги,</i>
<i>Kuin nousee Jumalan luoma.</i>	<i>Как поднялся воздух Божий.</i>

По словам Мауры, этот заговор полагалось произносить в момент первой весенней грозы.

В заклинательно-эпической руне о рождении железа (от Мауры этот заговор не был зафиксирован) Архиппа Перттунен использует союзное сравнение, в записи Леннрота 1834 г. в сочетании с обращением к железу:

<i>110 Petit, vaivanen, valasi,</i>	<i>Предало, убогое, клятву,</i>
<i>Söit kun koirra kunniasi.</i>	<i>Съело, как собака, свою честь.</i>

Аналогичную модель использует в варианте 1871 г. (4—169), записанном Борениусом, Мийхкали, но он опирается на анафорический повтор слова «сожрать, съесть» во 2-м лице:

<i>Söit kuin vaivaini valase,</i>	<i>Съело, как убогий, клятву,</i>
<i>Söit kuin koirra kunnivose.</i>	<i>Съело, как собака, свою честь.</i>

Однако спустя год при повторной записи, осуществленной тем же собирателем (4—169 а), сравнение заменяется обращением и «восстанавливается» использованный у Архиппы глагол «предать», причем глагол «сожрать» дан в вопросительной форме:

<i>26 Söitkö, vaivaini, valase,</i>	<i>Съело ль, убогое, свою клятву,</i>
<i>27 Petit, koirra, kunnivose?</i>	<i>Предало ль, собака, свою честь?</i>

Устойчиво у двух поколений Перттуненов, как и у других исполнителей региона в этой заговорной ситуации, императивное клише с союзным

сравнением, останавливающее кровотечение. Если сопоставить варианты отца (запись 1834 г., № 1—683+4—168) и сына в записи Варонена в 1886 г., то вибрирование* касается порядка слов, но не ОСС:

*Veri seiso kun on seinä,
Asu hurmeh kun on aita,
134 Lihan lämpösen sisässä.*
Архиппа

*Veri seiso, niinkuin seinä,
Hurme asu, niinkuin aita,
39 Lihan lämpösen sisällä.*
Мийхкали

*Кровь, ты стой стене подобно,
Живи, руда, словно забор,
Во внутри теплого мяса.*

На уровне текстовой ткани при передаче от отца к сыну в обращенном к медведю — «лобастому яблочку лесному» (ohtoni metsän omena) при его «бужении» (поднятии навстречу охотникам из берлоги) — ласковом уговоре союзные сравнения с безобидной дичью: рябчиком или дроздом. Медведю надлежит повернуться «встреч белым парням, лицом к березовой коре». У Архиппы в записи Леннрота 1834 г. фонетика, как и всегда, адаптирована и приближена к финскому языку, запись Борениуса от Мийхкали точно передает звучание собственно карельского диалекта (№ 4—1223):

*Niin se! Ohto käänteleksen,
Kun pyy pesäsä peällä,
50 Rastas raunioissaan.*

*Ohtoseni, lulluseni,
Niin sie Ohto keäntelete,
15 Niin kuin pyy pesäsi peällä,
Rassas raunivoisellahe.*

*(Мой лобастый и пушистый),
Так же, лобастый, повернись-ка,
Словно рябчик на гнезде,
Словно дрозд на буреломе.*

Итак, что касается сравнений с союзами «как», «словно», то они в изобилии представлены в героико-мифологических рунах именно у Архиппы Перттунена, его сын использовал их менее охотно и в еще более единичных случаях прибегала к ним Маура Марттени из Кивиярви. Какие же выводы можно сделать на основании распределяемости художественных уподоблений, главным образом модели с союзом «как», в репертуарах Архиппы Перттунена, Мийхкали Архиппайни и Мауры Марттени в свете основной проблемы «Рябининских чтений» — исполнительского мастерства?

*Чистов К. В. Народные традиции и фольклор (очерки теории). М., 1986.

Никоим образом не умаляя места историко-географического метода (далее — ИГМ) в финской фольклористике⁹, как раз в том, что касается осмысления анализа вариантов рун «калевальской метрики», камнем преткновения для ИГМ стало деволюционистское видение, убежденность в постепенном распаде и разрушении рунопевческой традиции во времени, в падении уровня мастерства от поколения к поколению. Из этого вытекало и несколько пренебрежительное отношение к карелам, для Круна и его приверженцев бывшим всего лишь «временными хранителями» изустного наследия западнофинских бардов прошлого¹⁰, и более частные моменты.

Так, Мартти Хаавио усматривает причину «присуждения Юлиусом Круном почетного титула короля рун» Архиппе Перттунену, помимо монументальности внешнего облика сказителя, главным образом в «исключительно развитой памяти»¹¹, благодаря которой Архиппа заучил и донес до собирателей огромное количество «старинных» строк.

Разумеется, для современной фольклористики соображения о творениях скальдов прошлого, раз за разом затверживаемых буквально наизусть последующими поколениями «трансляторов», абсолютно несостоятельны, как это исчерпывающе установил академик К. В. Чистов¹², доказавший, что живое варьирование при изустном бытовании и равноправная многовариантность — первичные, первостепенные и родовые признаки фольклорной традиции, транслируемой через устное бытование. Но это еще не все. Остановимся на данной собирателем рун калевальской метрики и подвижником дела их публикации А. Р. Ниemi оценке сказительской индивидуальности Мийхкали Архиппайни. Как известно, Мийхкали, с его трагической судьбой: неизбывной, после того как он усыновил еще и детей умерших братьев, нуждой, непосильным трудом и приобретенной в зрелом возрасте слепотой, стал для финской культуры эстетически опозитизированным символом. Красота черт лица, отмеченных печатью возвышающих страданий, а главное, гомеровская слепота как для собирателя и фотографа Инха¹³, так и для

⁹Неоспоримым достоянием ИГМ стали кропотливые штудии Карле Круна в сфере регионального картографирования варьирования мотивов и изобразительных деталей: *Krohn K. Kalevalan runojen historia*. Helsinki, 1903; *Krohn K. Kalevalan kysymyksiä*. Helsinki, 1918. Огромное позитивное воздействие оказало на фиксацию рун требование тщательной текстологической достоверности записей и паспортизации, в отличие от собирательской техники второй трети XIX века. Наконец, в русле ИГМ выдержаны тонкие наблюдения над поэтикой рун в трудах Матти Кууси: *Kuusi M. Kalevalaisen muinaiseepikan 5 tyylikautta // Kalevalaseuran vuosikirja*, 37. Porvoo-Helsinki, 1957; *Kuusi M. Suomen kirjallisuus I. Kirjoittamaton kirjallisuus*. Toim. M. Kuusi. Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia. Otava, 1963.

¹⁰*Krohn K. Kalevalan kysymyksiä*.

¹¹*Haavio M. Viimeiset runonlaulajat*. Porvoo-Helsinki, WSOY, 1943. S. 32—43.

¹²Чистов К. В. Указ. соч.

¹³*Inha I. K. Kalevalan laulumailta*. Helsinki, 1911. S. 397—400.

других финских собирателей и исследователей зримо воплотила метафору «догогорающей» традиции: «слепота озаряла закатным светом весь его облик». Конечно, Мийхкали довелось испытать и трепетное уважение собирателей к сохраненному им изустному наследию. Но вот его мастерство всегда оценивалось как бледная тень отцовского. В очерке «Беломорские певцы и заклинатели» Ниemi приводит оброненную Борениусом вскользь оценку: «Из рун своего отца он сохранил лишь общую событийную канву, отбрасывая самые драгоценные оттенки» (Niemi, 1921. S. 1078), акцентируя при цитировании оценочность. Так ли это?

Казалось бы, мы могли наблюдать весомую степень редукции сравнений с союзами у Мийхкали на фоне сделанных Леннротом записей самого Архиппы. Сомнительно только, что использование довольно нечастой в рунах калевальской метрики модели художественного уподобления, а именно характеризующегося фигуративностью развернутого союзного сравнения — самый удачный критерий для оценки сказительского мастерства во владении традиционной поэтикой.

Для фольклористики Финляндии последних десятилетий преодоление инерции ИГМ было связано с работами М. Пэрри и А. Лорда, прежде всего со «Сказителем» последнего¹⁴. При этом для западной фольклористики, опирающейся на наработки англоязычных ученых, понятие «коммуникативной компетенции»¹⁵, соотносимое с понятием «исполнительского мастерства» в отечественной фольклористике, тоже играет весомую роль. Как это определяет на основании варьирования в ижорских (SKVR 3 — из приходов Сойкино и Нарвуси) лироэпических рунах Лаури Харвилаhti, хотя процессуальная интерпретация опровергает мнение о заучивании наизусть и суперстабильном повторении, воспроизведение рун не есть серия только неосознанных процессов: «Репродуцирование включает в себе не только приспособление к коллективной традиции, но и проявление индивидуальных особенностей и предпочтений. Рунопевец не сочиняет руны из ничего, а, напротив, интерпретирует воспринятую им песню такую, какой он видит ее себе исходя из привычек, компетенции и коммуникативных задач, и под влиянием коллективной традиции, и нынешней ситуации исполнения»¹⁶. Тем самым эпический репертуар составлял «сеть» альтернативных решений в пределах традиции, с учетом индивидуальных предпочтений¹⁷.

¹⁴На концепцию Лаури Харвилаhti оказало воздействие знакомство с трудами А. М. Астаховой, К. В. Чистова и В. М. Гацака: *Harvilahti L. Kertovan runon keinot: Inkeriläisen runoeipiikan tuottamisessa*. Helsinki, SKST 1992. 233 s.; *Harvilahti L. The Ingrian Epic Poem and Its Models // Songs beyond the Kalevala*. Edited by A.-L. Siikala and S. Vakimo. SKS, SF, 1994. S. 911—112.

¹⁵*Harvilahti L. Kertovan runon...* S.146.

¹⁶Op. cit. S. 147.

¹⁷Op. cit. S. 110.

Поэтому представляется целесообразным оценивать приверженность Архиппы к союзным сравнениям именно как индивидуальное предпочтение. Ведь и Мийхкали, и Маура Марттини также блестяще владели техникой репродуцирования при пении формульных стихов, не говоря уже о композиции всей руны в целом. Просто они педалировали другие моменты, опирались на другие изобразительные средства (скажем, на цветовые эпитеты).

Итак, в данном сообщении в качестве опорных ячеек многокомпонентной дистрибутивной сети традиционной поэтики рун «калевальской метрики» были рассмотрены художественные сравнения с союзами «как», «словно» и затронуты вопросы варьирования в пределах единой локальной традиции и передаче «эпического знания» от учителя к ученику.